

Значение, типы вариантов	Денотативное значение отдельных компонентов ФЕ	Коннотативное значение отдельных компонентов ФЕ	Структурно-языковое значение отдельных компонентов ФЕ	Денотативное значение ФЕ	Коннотативное значение ФЕ	Структурно-языковое значение ФЕ
Грамматические варианты	не изм.	изм./не изм.	изм.	не изм.	изм./не изм.	не изм.
Лексические варианты	изм.	изм./не изм.	не изм.	не изм.	изм./не изм.	не изм.
Смешанные варианты	изм.	изм./не изм.	изм.	не изм.	изм./не изм.	не изм.
Квантитативные варианты	изм. кол-во компонентов	не изм.	не изм.	не изм.	изм./не изм.	не изм.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр.; под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1974.
2. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеологического образования. Ростов : Изд-во Рост. ун-та, 1977.
3. Диброва Е.И. Вариантность ФЕ в современном русском языке. Ростов : Изд-во Рост. ун-та, 1979.
4. Донской В.Ф., Шадрин Н.А. Некоторые особенности формирования фразеологической системы // Проблемы семантики фразеологических единиц. Иркутск : ИГПИ, 1986.
5. Кунин А.В. Асимметрия в сфере фразеологии // Вопр. языкознания. 1988. № 3. С. 98 – 107.
6. Мелерович А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.
7. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М., 1987.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры, 1996.
9. Телия В.Н. О вариантах протяженности идиом // Система и уровни языка. М., 1969. С. 198–211.

Intra-model variance of phraseological units

There is analyzed the variance of phraseological units in the form of conceptions of wide and narrow approaches. There are analyzed the lexical and grammatical transformations, which do not break the semantic structure of phraseological units in the English and Russian languages. There is revealed the dependence of structural and semantic characteristics of phraseological units in intra-model variance.

Key words: *intra-model variance, semantic invariance, denotative meaning, connotative meaning.*

Н.И. КОРОБКИНА
(Волгоград)

ОКСЮМОРОНИМ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ (на примере понятия «Злобро»)

Рассматривается контекстуальное понятие как особый вид ментального образования, выделяются некоторые особенности его вербальной упаковки – оксюморонима. Показано, что семантика оксюморонима является суммативной, т.е. выводимой, а не суммарной. Такой способ словообразования становится все более популярным, частотность употребления оксюморонимов возрастает.

Ключевые слова: *дуальное понятие, контекстуальное понятие, оксюморон, оксюмороним, блендинг, эмотивная номинация.*

Одним из ведущих направлений современной лингвистической науки продолжает оставаться изучение языковых знаков и их выражения в различных типах знаний. Данный факт подтверждает, соответственно, и наличие общепризнанных типов ментальных образований, среди которых выделяются представление, схема, понятие, концепт, фрейм, сценарий, гештальт. Из перечисленного особый научный интерес для нас представляет понятие как ментальное образование, состоящее из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, обуславливающих результат рационального и эмоционального отражения и осмысления реалий окружающей действительности, а также концептуализацию и лексикализацию последних в языковых единицах. В данной статье на примере понятия «Злобро» предпринимается попытка рассмотреть такой вид ментальных образований, как контекстуальное понятие, а также проанализи-

ровать некоторые особенности его вербальной упаковки – новообразования, получившего название «оксюморним».

Функционирование в языке философского закона единства и борьбы противоположностей обуславливает рассмотрение своеобразных объединений абстрактных единичных антонимичных понятий в новое дуальное суммативное монолитное понятие. Такое ментальное образование, сформированное по принципу контаминации полярных понятий, представляет собой амбивалентное единство (например, «Добро↔Зло»), которое так и оставалось бы на понятийном уровне рациональной рефлексией упомянутого диалектического закона, если бы не признаваемая наукой эмоциональная сторона отражения мира через понятие. Именно этот фактор в случае с вербальными коррелятами исходных полярных понятий определяет способность слов по «принципу матрешки» вкладываться одно в другое, неощутимо переходить друг в друга или комбинироваться со своим антиподом, формируя оксюморонное эмоциональное образование [7]. Похожая схема возможна и на понятийном уровне в том случае, когда полярные конституэнты дуального понятия образуют осложненное контекстуальное понятие. На примере «Добра» и «Зла» такое преобразование выглядит следующим образом: (1) → «Добро», «Зло» (единичные полярные понятия) → (2) «Добро↔Зло» (дуальное понятие) → (3) «Злобро» (контекстуальное понятие). Первая пара в языке реализуется через антонимы *добро vs зло*, в то время как словосочетания *доброе зло* и *злое добро*, составляющие основу второй пары, представляют собой оксюморон, под которым традиционно понимается стилистический прием в форме сочетания двух слов с полярной семантикой. Напомним, что слова, образующие оксюморон, с одной стороны, по своей природе рациональны, а с другой – могут особым образом совмещаться друг с другом и формировать эмоционально-маркированное образование. Последнее, являясь семантически противоречивым сочетанием, обладает эмоциональным характером и придает эмоциональный оттенок речевому высказыванию, в контексте которого употребляется.

Однако языковые комбинации понятий «Добро» и «Зло» на этом не заканчиваются: в современной коммуникативной практике контаминация противоположных смыслов получает новую звукобуквенную упаковку *Злобро*, в основе образования которой помимо об-

щепризнанных логико-философских приемов (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование) лежит чисто лингвистическая словообразовательная модель блендинга (телескопии, портмоне, «кентавризации»). Ее основу составляет проникновение одних единиц в другие и как результат – их смешение. По мнению И.В. Арнольд, исходные языковые единицы, подобно секциям телескопа, способны скользить друг в друга и образовывать новую языковую единицу, вербально упакованную по «принципу портмоне» [2, с. 141]. В основе появления языковых единиц посредством такого смешения лежит процесс эмотивной номинации, под которым, как отмечает В.И. Шаховский, понимается языковое экспрессивно-эмоционально-оценочное обозначение явлений окружающей действительности, результатом чего является порождение экспрессивных знаков и сознательное усиление ими поражающей способности языка [6, с. 113–114]. В нашем случае такими языковыми единицами являются понятия «Добро» и «Зло», процесс слияния которых в дуальное понятие «Добро↔Зло» и контекстуальное понятие «Злобро» объясняется следующим: единичные понятия «Добро» и «Зло», в отличие от дуального понятия «Добро↔Зло», стали уже настолько неотделимы друг от друга, что их некоторые сущностные признаки (а значит, частично – и семантика их вербальных коррелятов) оказываются тесно переплетенными.

По сути, понятий, выраженных посредством контекстуальных ментальных образований, изначально не существует («Злобро», «нехоть», «адорай», «благоподлость», “funemployed” и т.п.). Однако слова, образующие вербальные корреляты таких контекстуальных понятий, активно используются в языке и речи. Они, соединяясь друг с другом в определенном событийном контексте и для определенных прагматических целей, формируют словообразование, приводящее к появлению и нового контекстуального понятия, процесс образования которого условно можно представить следующим образом: контекст (событие) + цель → словообразование → контекстуальное понятие. Так, контекстом для образования нового слова *Злобро* и соответствующего понятия является скорее всего сложившаяся в настоящее время во многих сферах нашего социума ситуация психологической неудовлетворенности. Поскольку восприятие окружающей действительности происходит через личностное ее осмысление, то и в умах, и

в сознании людей также наблюдается дисгармония, которая впоследствии кристаллизуется в продуктах ментальной деятельности человека. Именно поэтому на первый план выходят реалии окружающей действительности, так или иначе олицетворяющие зло: терроризм, всевозможные виды конфликтов, техногенные и природные катастрофы и мн. др. Однако в борьбе с этим существующим вокруг нас злом, как пишет С.А. Голубцов, необходимо формировать оптимистическое представление о человеке, укреплять и заострять позитивные жизненные перспективы и противостоять тенденциям пессимистического, скептического, нигилистического отношения к действительности [3, с. 55].

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых особенностей оксюморонима *Злобро* как словообразовательной формы вербализации соответствующего контекстуального понятия. По мнению М.Н. Эпштейна, новообразования подобного рода являются наиболее удачным способом выражения противоречивых понятий и двусмысленности: *думрак* (думающий дурак), *благоподлость* (способность совершать подлость во имя благих целей) и т.п. [7]. С точки зрения семиотики такая двусмысленность объясняется двухслойной природой оксюморонима как языкового знака, план содержания которого представляет собой семантическую фузию, а план выражения отражает телескопичный и блендинговый характер новообразования.

С позиции коммуникативного целеполагания оксюмороним является в первую очередь одним из средств обогащения словарного запаса языка и восполнения его лексических лакун. Ядром данного лингвистического феномена выступает триада следующих характеристик: оригинальность внешней формы слова; номинативная и функциональная новизна; осуществление определенной прагматико-коммуникативной цели. Периферийная составляющая оксюморонима образуется рядом специфических черт, которые предлагается рассмотреть на примере слова *Злобро*.

Оксюмороним построен не столько на сложении нового слова, сколько на взаимопроникновении семантически полярных слов и образовании на базе этого единства противоположных смыслов. Например, внешняя форма слова *Злобро* представляет собой не что иное, как сложение двух слов *Зло* и *Добро*, при котором происходит усечение первой части. Однако в семантическом отношении слова *Доб-*

ро и *Зло*, полярные по значениям, становятся настолько едиными, что в результате такого тесного взаимодействия происходит глубокое переплетение их смыслов, и в конечном итоге оксюмороним *Злобро* становится семантически единым.

Семантическое единство оксюморонима достигается, по нашему мнению, наибольшей конденсацией образа, которая заключается в максимуме смысла и минимуме языкового материала. Если сравнить слово *Злобро* с его коррелятами *Добро* и *Зло*, то становится очевидным количественное нивелирование лексических единиц производного слова: в своем окончательном вербализованном виде оно представляет собой одну лексическую единицу, в то время как слова *Добро* и *Зло* выступают в форме двух лексических единиц. Следовательно, в композиционном отношении слово *Злобро* требует меньше языкового материала. При этом оно, однако, заключает в себе гораздо больший семантический потенциал, чем его синонимические эквиваленты, поскольку значение данного оксюморонима является эмерджентным (т.е. выводимым, суммативным, а не суммарным). Так, в нашем понимании слово *Злобро* в самом общем виде может иметь следующее значение: 'реализуемое по независимым от человека причинам добро, оборачивающееся злом, и реализуемое по независимым от человека причинам зло, оказывающееся добром'. Это происходит синхронно, и в результате синхронизации, повторимся, образуется новый эмерджентный смысл. Если, опираясь на приводимое толкование слова *Злобро*, провести аналогию с уже имеющимися в языке его синонимическими коррелятами, например, паремиологического характера (*Добро должно быть с кулаками; Нет худа без добра; Не сделай добра, не получишь зла* и т.п.), то слово *Злобро*, безусловно, с одной стороны, обладает большей смысловой компрессией, но с другой – не теряет своей смысловой емкости, четкости и наполненности. А это, в свою очередь, подтверждает работу внутреннего закона развития языка – закона языковой экономии.

Еще в 1975 г. У.Л. Чейф писал: «Язык дает возможность говорящему брать понятия, находящиеся в его собственном сознании и вызывать эти понятия в сознании своего слушателя. Звуки, которые передаются от него к слушателю, как правило, не порождают новых понятийных единиц в сознании последнего. Они активизируют уже имеющиеся там понятия, которые являются общими для говорящего и слу-

шающего. Они могут вводить, и часто действительно вводят, новые конфигурации этих знакомых понятий в той мере, в которой говорящий сообщает что-то новое. Но обычно новыми являются лишь эти конфигурации, а не понятия, из которых они составлены» [5, с. 93]. Разделяя точку зрения американского лингвиста и проектируя ее на вербальный уровень, мы считаем, что подобная новизна конфигураций характерна и для оксюморонима, например, *Злобро*. В состав данного словообразования входят непременно присутствующие в коллективном словарном запасе любой лингвокультуры и индивидуальном тезаурусе ее представителей лексические универсалии *Добро* и *Зло*. Другое дело, что референты этих слов в зависимости от лингвокультуры национально специфичны (ср.: *Что для русского хорошо, то для немца – смерть*), а значит, провоцируют в сознании носителя языка и соответствующие новые конфигурации знакомых слов, которые скорее всего определяют и национальную специфичность семантики слова *Злобро*. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что слово *Злобро* и ему подобные оксюморонимы являются отражением новых реалий в определенном социально-культурном контексте.

Поскольку слово *Злобро* является вербальным коррелятом соответствующего контекстуального понятия, которое, как уже было сказано ранее, обладает эмоциональным, а значит, и оценочным компонентом, то и сам оксюмороним способен выражать определенную степень оценки. При этом выражаемая им оценка может иметь собственный референт и способна отражать его более полную аксиологическую интерпретацию. Если представить, что оксюмороним – это семантический бленд, обладающий эмерджентной двойственностью значения, то содержащаяся в нем оценочность будет направлена на ценностное восприятие и отображение окружающей действительности. Ведь, по словам Е.Н. Аверьяновой, семантические бленды, значение которых отражает эмоциональную оценку передаваемой ими информации, характеризуют когнитивную интерпретацию наблюдаемых событий или фактов, а также определенную установку на ее подачу [1, с. 205].

Хотя оксюмороним – это малоизвестное явление в широких лингвистических кругах, данные поисковой системы «Яндекс» свидетельствуют о том, что на слово *Злобро* приходится более 1 тыс. употреблений (на 5 октяб-

ря 2011 г.), преимущественно в публицистическом контексте. Кроме этого, оксюмороним *благоглупость*, придуманный в свое время М.Е. Салтыковым-Щедриным, уже давно зафиксирован в Национальном корпусе русского языка [4].

Подведем итоги. Лингвистическое отражение философского закона единства и борьбы противоположностей подтверждается и существованием дуальных понятий, суть которых заключается в особом объединении абстрактных единичных антонимичных понятий в амбивалентное единство, которое в языке выражается особыми знаками – антонимами, т.е. словами с полярной семантикой. Эмоциональная сторона отражения явлений окружающей действительности в типичных коммуникативных ситуациях через понятие формирует специфические контекстуальные понятия. Этот факт подтверждает креативную функцию мышления и языкотворчество.

Вновь образованное контекстуальное понятие в процессе своей вербализации упаковывается в особую эмотивную словообразовательную форму, обладающую эмерджентным характером смешения противоположных смыслов, – оксюмороним. Появление такого лингвистического феномена вносит определенный вклад в развитие современной теории языка, поскольку ввиду оригинальности внешней формы оксюморонима, его номинативной и функциональной новизны он представляет собой одно из средств обогащения словарного состава языка. В коммуникативных целях использование данного неологизма как явления речи способствует более адекватному выражению мыслей и чувств, а значит, обеспечивает постепенный переход оксюморонима к явлению языка: из коммуникативных ситуаций разговорного языка к словарной фиксации.

Литература

1. Аверьянова Е.Н. Сопоставительный анализ значений семантических блендов в английском и русском языках // Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов мира. Симпозиум XII : материалы VI Междунар. конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество». 11–15 окт. 2010 г. Пятигорск : ПГЛУ, 2010. С. 204–205.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка (на английском языке) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1986.

3. Голубцов С.А. Амбивалентная активность человека // Вестн. Юж.-Рос. отд-ния Междунар. акад. наук высш. шк. Сер.: Природа, общество, человек. 1996. №2–3 (5–6). С. 54–55.

4. Национальный корпус русского языка. URL : <http://www.ruscorpora.ru>.

5. Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.

6. Шаховский В.И. О способах эмотивной номинации // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград, 1981. С. 113–121.

7. Шаховский В.И. Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы // Вопр. психолингвистики. 2008. №7. С. 39–43.

8. Эпштейн М.Н. Мат – язык тех, кто ничего не может // Огонек. 2009. №31 (5109). С. 42–44.

Oxymoronism as a word-derivational form of verbalization of contextual meaning (by the example of Zlobro)

There is considered the contextual notion as a special type of mental formation, sorted out some peculiarities of its verbal form – oxymoronism. There is shown that the semantics of oxymoronism is summative, i.e. derivable, but not summary. Such type of word derivation becomes more popular, the frequency of oxymoronism use is increased.

Key words: dual notion, contextual notion, oxymoron, oxymoronism, blending, emotive nomination.

